

• ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ •

ELIZABETH KNOX

THE ABSOLUTE
BOOK



ЭЛИЗАБЕТ НОКС

АБСОЛЮТНАЯ
КНИГА

Перевод с английского: Ольга Лаврешина

Москва
Издательство АСТ

 **АСТРЕЛЬ** СПб

УДК 821.111(931)
ББК 84(8Нов)
Н79

Elizabeth Knox
THE ABSOLUTE BOOK

This edition is published by arrangement
with Trident Media Group, LLC
and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского: *Ольга Лаврешина*

В оформлении обложки использована
иллюстрация *Михаила Емельянова*

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

ISBN 978-5-17-150396-3

Copyright © Elizabeth Knox 2019
© Лаврешина О. Г., перевод, 2026
© Емельянов М. В., иллюстрация, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Искусно закрученная и великолепно написанная, «Абсолютная книга» — это кинематографичная история, попеременно то мрачная, то напоминающая сновидение, но в конечном счете до предела наполненная надеждой.

*Дебора Харкнесс, автор бестселлера
New York Times «Открытие ведьм»*

Мгновенная классика... Это всё, чем только должно быть фэнтези.

The Guardian

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ



Насекомые

Я Зависть, родилась от трубочиста и торговки устрицами. Читать я не умею и потому хочу, чтобы все книги были сожжены. Я хую, когда вижу, как едят другие. О, пусть бы во всем мире настал голод и все поумирали, а живых осталась я одна! Посмотрел бы ты тогда, какой я стану жирной! А почему ты сидишь, а я стою? А ну-ка, подвинься! Вот еще!

*Кристофер Марло. Трагическая история
доктора Фауста¹*

I

Книга, чей свет льется сквозь века

Когда сестру Тэрин Корник убили, при ней была книга. Обычно люди не берут с собой книг, когда отправляются на пробежку, но Беатрис, наверное, планировала перевести дух в «Бледной леди», где ее часто видели читающей в уголке, с карандашом за ухом.

Книга, которая лежала в рюкзаке Беатрис, когда Тимоти Уэббер запихнул ее тело в багажник своей машины, была блокбастером в мягкой обложке, объемным, но легким. Романом об эпохальных заговорах, будоражащих воображение. Беатрис очень любила такие книги, потому что они часто попадались в библиотеках.

Девочки Корник обожали библиотеки, и больше всего — ту, что находилась в имении Принц-Гейт и принадлежала их дедушке, Джеймсу Нортоверу. Когда он умер,

¹ Пер. с англ. Н. Н. Амосовой

Беатрис было семнадцать, а Тэрин — тринадцать. Семье пришлось отказаться от обремененного долгами дома, хотя бабушка Рут, все еще работавшая ветеринаром, осталась жить в привратной сторожке. Именно бабушку Рут навещала Беатрис, когда ее нашел Уэббер.

Родители Беатрис и Тэрин были в разводе. Бэзил Корник жил в Новой Зеландии, где играл какого-то хитрожопого парня в эпическом фэнтези. Адди Корник боролась с болезнью и была так себе компанией. Часть каникул Тэрин проводила с матерью, а потом гостила у друзей. Она ни на шаг не приближалась к Принц-Гейт, потому что перемены все еще слишком сильно волновали ее. Фермерские угодья заняли почти все поместье. Новые владельцы не тронули заболоченных земель и леса, чьим сердцем была небольшая роща древних дубов, но каменные ограды разобрали до основания, чтобы ничто не мешало движению огромных комбайнов: ни стены, ни сточные каналы, ни живые изгороди из боярышника, по которым бегали лисы.

Библиотеки больше не было, ее разобрали перед продажей поместья. Книги Джеймса Нортовера перешли в руки владельцев антикварных книжных магазинов, за исключением нескольких особо ценных и желанных экземпляров, которые достались его друзьям-коллекционерам. Возможно, в их число входил древний свиток, который называли «Поджигателем»: поговаривали, он пережил не менее пяти пожаров в знаменитых библиотеках.

Так что книга, которая ритмично постукивала по лопаткам Беатрис в такт ее последним шагам, была одной из тех, что хранились в старинной библиотеке. Книга, чей свет льется сквозь века, подобно свету Свя-

того Грааля. Книга с героями-учеными и спрятанными сокровищами.

Беатрис в мешковатых спортивных штанах бежала вперед, на спине подпрыгивал рюкзак. Была осень, землю окутывал легкий туман. Дорогу от креста святого Синога до деревни Принц-Гейт Магна густо покрывала палая листва, окрасившая асфальт в цвет янтаря, за исключением двух черных полос, где листья были изжеваны шинами проезжающих автомобилей. Машин было немного. Беатрис была без наушников. Услышав звук двигателя, она сбежала на обочину. Свет фар прорезал туман, ярко сверкнули отражатели на кроссовках Беатрис.

Судебный процесс состоялся через год после смерти Беатрис. Тэрин присутствовала на нем и узнала все подробности произошедшего — по крайней мере, то, что было известно на тот момент.

Машина Уэббера задела Беатрис не потому, что та шла близко к проезжей части. Полицейские фотографии показали снимки изогнутого следа шин в черной грязи. Признаков скольжения не было, потому что он затормозил заранее — но не для того, чтобы безопасно обогнать Беатрис, а чтобы врезаться в нее и, как он надеялся, ее вырубить. Бампер его машины проломил девушке таз, а придорожный дуб — череп. Уэббер остановился, вышел, поднял Беатрис, которая скорчилась у подножия дерева, и положил ее в багажник.

Адвокаты Уэббера позволили ему выступить, надеясь, что его безалаберность убедит присяжных, будто его действия не были злонамеренными. Уэббер выдал историю из разряда тех, которые рассказывают дети, застуканные на месте преступления. Он заявил, что положил мисс Корник в багажник, чтобы отвезти ее в боль-

ницу. На что обвинение возразило: разве не логично посадить пострадавшую на заднее сиденье, как это сделало бы большинство людей? Или вообще не трогать ее и остановить следующую машину, чтобы оказать помощь?

Уэббер заявил, что слишком перепугался, чтобы ждать следующей машины. Дорога была пустынной, телефона у него не было. Он сказал, что, вероятно, все закончилось бы куда лучше, если бы он просто уехал. Максимум, что ему вменили бы, — это побег с места ДТП. «Но я не мог этого сделать. — Он скривился, будто ощутил укол вины. — Почему я положил ее в багажник, а не на заднее сиденье? Наверное, потому, что она обгадилась и была немного грязной».

Присяжные застонали от ярости.

Тимоти Уэбберу предъявили обвинение в непредумышленном убийстве, поскольку, как объяснил прокурор семье Беатрис, доказать умысел было очень сложно. Полиция не хотела рисковать, иначе он вообще мог выйти сухим из воды. На бумаге Уэббер был неплохим человеком. Хорошая работа, на которой он показал себя честным и надежным сотрудником. Никаких судимостей. Друзья и семья. Он не планировал похищения — никаких веревок, клейкой ленты, полиэтиленовых бахил на ботинках. Он не пытался ничего скрыть. Оставил на дороге кроссовку Беатрис, и мысок кроссовки указывал туда, откуда девушка пришла. Он сбил ее, но было трудно доказать, что это не несчастный случай. Уэббер мог запихнуть ее в багажник и уехать, но в итоге все, что он сделал, — провез ее еще две мили, а потом развернулся и направился к дому своей сестры. Она вызвала скорую помощь и сказала парамедикам, а затем и полиции: «Тим просто не очень умный».

К приезду скорой помощи Беатрис была мертва.

Тэрин хотела узнать, каково пришлось ее сестре, запертой в темном багажнике автомобиля Уэббера. После суда ее друг, стажер-медик, отнес копию отчета коронера своему коллеге-неврологу и попросил его встретиться с Тэрин.

— Маловероятно, что ваша сестра пришла в сознание после удара, — сказал он. — У нее были перелом черепа, компрессионные переломы двух шейных позвонков и, что самое главное, травма ствола мозга. Именно отек ствола мозга и убил вашу сестру — нарушились кровяное давление и нормальный сердечный ритм. Если вам интересно, страдала ли она, то вряд ли. Скорее всего, она ничего не чувствовала с того момента, как в нее врезалась машина.

Взгляд невролога говорил, что он уважает желание Тэрин знать правду, но больше ничего не может рассказать, хотя и знает, что услышанного ей вовсе не достаточно.

Однако его слова помогли Тэрин поверить в то же, во что поверили присяжные: Уэббер не был убийцей с продуманным планом. Он не преследовал ее сестру, не готовился к преступлению. Он лишь лелеял фантазию, а затем поддался внезапному импульсу и повернул руль влево. Поднял Беатрис на руки, но она обделалась и выглядела не так, как он мечтал, — униженной, ошеломленной и беспомощной. Для Уэббера все пошло не так. Он не почувствовал того, на что надеялся, не сумел воплотить свою мечту, не смог справиться с досадой. Возможно, Уэббер упрямо настаивал на своей невинности именно потому, что не довел дело до конца и не изнасиловал женщину, которую покалечил и похитил.

Он не хотел причинить боль Беатрис и был возмущен уже тем, что кто-то посмел его в этом заподозрить. Он просто врезался в нее, а затем запаниковал. «Я был расстроен», — сказал Уэббер, словно ожидая, что суд отнесется к нему более благосклонно.

Он был признан виновным в непредумышленном убийстве и приговорен к шести годам лишения свободы. Или пяти — при хорошем поведении.

Тэрин надеялась, что пяти лет ей хватит, чтобы начать «двигаться дальше», как говорили люди, не понимающие, что она всегда находилась в движении, даже во снах. Снах, в которых она ехала по янтарной дороге, а туман начинал сверкать.

Ей потребовались годы, чтобы научиться скрывать ярость. Она хотела сохранить друзей — не то чтобы они были ей сейчас очень нужны, но Тэрин понимала, что когда-нибудь они могут пригодиться. Со временем она снова почувствует себя человеком и частью цивилизованного мира.

Чтобы унять ярость, Тэрин перестала говорить о Беатрис. Не только о том, что произошло, — обо всем. Она рассказывала о своем детстве истории, в которых присутствовали только она, мать и отец, бабушка и дедушка, но никак не призрак Беатрис, о которой теперь нельзя было упоминать. В сознании Тэрин ее сестра и смерть были неразделимы, отмечены следом на стволе дуба на обочине дороги. Беатрис превратилась в незаживающую рану в памяти Тэрин, вся ее жизнь была запятнана кровью, излившейся внутри ее разбитого черепа. Тэрин злилась. Она была обожжена и изъедена гневом, как кислотой. Но с яростью пришло и другое: бесстрашие, безрассудство, холодность, наглость.

Когда Тэрин встретила будущего мужа, Алана Палфримена, она вообще не искала мужчину, тем более богатого. Ей хотелось только перекусить, выпить бокал вина и найти удобное место, где можно скоротать время. Она застряла в аэропорту Франкфурта-на-Майне из-за отмены рейса бюджетной авиакомпании. Тэрин провела отпуск в Греции, на пляже, куда ходила только в сумерках, потому что солнце было злым, а ее кожа — очень светлой, и сейчас возвращалась домой с морской солью на слегка розоватой коже и в волосах, вьющихся и до того густых, что казались почти черными. Тэрин устала и очень проголодалась, поэтому заняла наблюдательный пост у зала ожидания первого класса и, совершенно не смущаясь, последовала за женщиной, чей мимолеетный взгляд выразил не то чтобы интерес, а сдержанное одобрение, будто она — неплохие часы, но часов у него уже достаточно. Тэрин направилась за ним по эскалатору, и, когда он показал членскую карточку женщине на стойке регистрации тихого, изысканно благоухающего зала ожидания и та произнесла: «Добрый день, мистер Палфримен», Тэрин нежно взяла его под руку и проворковала: «Мистер Палфримен и *гостья*».

Алан с удивлением взглянул на нее и согласился: «И *гостья*». И они пошли дальше, рука об руку.

Тэрин вышла замуж в двадцать три. Всего на год моложе Беатрис, когда та погибла. Уэбберу оставалось отсидеть еще три года. Мать Тэрин умерла. Адди Корник годами боролась с раком груди и находилась в ремиссии, когда убили Беатрис. Незадолго до суда над Уэббером она прошла очередной осмотр, и Тэрин проводила мать на повторный прием. Когда онколог сообщил Адди

Корник, что она все еще в ремиссии, она заплакала, но не от облегчения, а горько-горько, словно только что получила худшие новости на свете. Вытерла глаза и сжалась в кресле, повторяя снова и снова: «Должна ли я продолжать все это?» — имея в виду: «Должна ли я продолжать жить?» Затем, как только суд закончился, Адди потеряла опору под ногами. Она сдалась. Казалось, она торопилась покинуть этот мир, прежде чем в него вернется убийца ее дочери.

Большую часть этого времени отец Тэрин провел в Новой Зеландии. Бэзил Корник играл роль в том, что называл чудной фэнтезийной франшизой. Это принесло ему кучу денег, хотя взаимодействие с воображаемыми друзьями и врагами перед зеленым экраном на протяжении всей жизни почти лишило его радости актерского мастерства. Отец Тэрин приехал на ее свадьбу. Он повел дочь к алтарю, произнес речь и заставил гостей поднять бокалы за Беатрис: «За мою старшую девочку, которую так жестоко отняли у нас четыре года назад».

Тэрин тщательно избегала смотреть на мужа. Он знал, что у нее была сестра и что та погибла. Но Тэрин сообщила ему только то, что Беа сбила машина. Возможно, когда отец произносил свой чересчур информативный тост, ей следовало встретиться взглядом с Аланом, чтобы дать ему понять, что ей безразлично, о чем он думает. В конце концов, Тэрин хотела разделить с ним свою жизнь. Иметь место, где приземлиться, словно она была птицей, летящей над океаном и ищущей любой — неважно, насколько неудобный, лысый или одинокий, — клочок суши, чтобы отдохнуть.

В первую брачную ночь Алан все еще не отошел от ощущения одиночества, которое почувствовал, когда

сидел с напряженным от шока лицом, слушая, как довольно отталкивающий тип, отец его невесты, рассказывает кошмарную историю убийства ее сестры. Речь была весьма странной — полусентиментальной, полужурнальной. Сидя рядом с женой на роскошной кровати в отеле, Алан никак не мог вспомнить это ощущение одиночества в его жуткой, страшной чистоте. Он тщательно отгонял это чувство, потому что любил Тэрин — загадочную женщину, чьи раны были настолько глубоки, что ей приходилось их прятать. Он еще не начал думать: «Кем она меня считает, раз скрывает подобные вещи?» Алан Палфримен был о себе слишком высокого мнения.

Когда они наконец остались одни, Алан обхватил ладонями лицо жены и посмотрел ей в глаза: «Ты такая грустная, Тэрин. Будто одержима. И сама по себе».

Она знала, что это правда. Тэрин всегда привлекало изучение мира вокруг, но двигало ею не любопытство; она делала это терпеливо и послушно, как будто заплатила за этот мир большие деньги и теперь должна рассмотреть его со всех сторон. Она и сейчас изучала его — в лице Алана, который смотрел на нее нежно и чуть обеспокоенно. Она слышала тихий звук, с которым его мягкая ладонь гладила ее кожу.

Алан спросил:

— *Кто* ты, Тэрин?

Возможно, было бы уместнее спросить: «*Где* ты?» Потому что в тот момент Тэрин была в библиотеке, очень похожей на библиотеку ее бабушки. В тихой комнате она пристально смотрела на единственную книгу на единственной полке среди десятков полок и тысяч книг. Том, озаренный лучом света. Возможно, это была